

Я шла по бархатному пеплу,
Устлавшему траву в саду.
Порою тот, кто служит свету,
Преумножает темноту.

Я предпочла бунт образам,
Иконам — вечное изгнание.
Змея, застывшая на камне,
Порою служит небесам.

1

Моя мать, Элис МакАлистер, была сброшена из окна высотного здания, когда мне было три года. Моего двоюродного брата Адама застрелили, когда он переходил О'Коннелл Стрит. Дядю Эммета отравили на благотворительном ужине в отеле «Ритц». Его жену Клэр взорвали в ее кабриолете вместе с шофером и собачкой, когда она собралась ехать к маникюрше.

Мой клан смертельно враждует с другим кланом, чья фамилия Стаффорд. Вот уже лет сто, если не больше. Моя бабушка была еще ребенком, а МакАлистеры

и Стаффорды уже пускали друг другу кровь. Не знаю, с чего все началось, но я хожу на похороны с малых лет.

На похоронах тети Клэр были самые лучшие пирожные. А на похоронах Адама — самая отвратительная погода. Я тогда продрогла до костей и потом лежала в постели целую неделю. Зато, когда хоронили дядю Эммета, светило солнце и в воздухе красиво кружились листья. Мои лакированные туфли отражали утренний свет, а черная шелковая юбка легко трепетала на ветру. Никто не плакал. Во-первых, дядю Эммета не слишком любили, а во-вторых, все уже привыкли ходить на похороны.

Помню, все казались мертвенно-бледными в сравнении с черными тканями вуалей. Моя тетя Шинейд, высокая, как телебашня, протянула мне шоколадную конфету, завернутую в золотую фольгу. Я не слишком любила шоколад, потому что он горчил, но все же взяла конфету и сделала маленький книксен, как учила меня моя мачеха Рейчел.

— Спасибо, мэм, — сказала я.

— На здоровье, Кристи, — ответила тетя Шинейд. — Только не вытирай ручки о платье. Папочке наверняка пришлось заплатить за него целое состояние. Сколько тебе уже, милая?

— Мне семь.

— Ты в первый раз на похоронах?

— В четвертый, мэм, — ответила я, глядя на тетку снизу вверх.

— И не в последний, — вздохнула она.

Мой брат Майкл — он на пять лет старше и ему уже стукнуло двенадцать — прошептал мне, что дядю Эммета явно намазали тональным кремом — таким же, какой лежит в косметичке у нашей няни, мисс Бирн, — вечно бледный дядя Эммет в гробу почему-то выглядел так, словно

только вернулся из отпуска: загорелым и отдохнувшим. И еще у него была модная стрижка и новый костюм.

— Думаю, есть такая профессия: некро-стилист, — добавил Майкл шёпотом, и я почему-то рассмеялась. Хотя знала: смеяться на похоронах — это очень плохо.

Мой второй брат, Сет, — он на целых восемь лет старше меня, и ему пару месяцев назад исполнилось пятнадцать, — взял меня за плечо и велел мне придержать язык. Он весь день выглядел мрачнее тучи, но, думаю, это все не из-за смерти дяди Эммета, а из-за того, что он поссорился со своей девушкой. Сет звал ее с собой на похороны, но она не пришла. Ну конечно, нашел куда звать. Здоровенный и высоченный, зато вместо мозга — картофелина.

Я бы тоже не пришла, потому что похороны — это грустно и скучно. Хорошая часть — только та, где все собираются в доме, пьют кофе, едят закуски и тихо разговаривают обо всем на свете: о покойнике, о его бедных детушках, о жестокости и несправедливости мира, об объятиях Бога, в которых мы все однажды окажемся, и конечно же о Стаффордах. Проклятых Стаффордах, которые не успокоятся, пока мы, МакАлистеры, не узнаем вкус земли.

* * *

Мой клан один из самых состоятельных в Ирландии. Отец и его братья сколотили состояние на торговле антиквариатом и предметами искусства. Я была ребенком, который вырос в роскоши: среди масляных полотен, чья цена переваливала за сотни тысяч, и среди старинных скульптур — даже осколки их стоили бы целое состояние. Мои ноги бегали по мрамору. Я носила золото и платину. Меня наряжали в шелк и бархат по последней моде.

С семи лет я брала уроки игры на фортепиано и моим первым инструментом был винтажный немецкий рояль Steinway, выкупленный из коллекции какого-то лорда. Помню, как я сидела на бархатном стульчике и даже мой учитель боялся прикасаться к нему — настолько уникальным был этот инструмент.

Моя мачеха, в отличие от мачех из сказок, была молодой и милой женщиной, которая меня страшно баловала. Тогда Рейчел еще не родила ребенка от моего отца, поэтому я была для нее всем: дочерью, куклой, любимым «ангелом». Она умудрилась найти общий язык даже с Сетом и Майклом, ужасными драчунами и задирами. Играла с ними в хёрлинг*, помогала с уроками, прикладывала лед к синякам, когда те падали с велосипедов или разбивали друг другу носы.

У меня было все, о чем большинство детей только мечтать может, и в то же время гораздо меньше, чем у них. Отец и его братья фанатично верили, что избраны Богом и наш клан чуть ли не единственный спасется во время апокалипсиса. Нашей семье принадлежали обширные владения к северу от Дублина, в районе Скеррис, включая поля для гольфа, старинный замок и несколько прибрежных островов. И эту территорию мы редко покидали. Городские кинотеатры, парки развлечений, клубы и рестораны наша религиозная семья считала вотчиной дьявола, и мы их не посещали. В местную церковь мы ходили не только по воскресеньям, а каждый день. Я знала наизусть многостраничные отрывки из Библии. Религия была на первом месте, а все остальное — далеко позади.

В нашем доме не было интернета — его считали орудием дьявола. Мы не слушали никакую другую музыку,

* В хёрлинг играют деревянными клюшками и мячом. Распространён преимущественно в Ирландии. — *Примеч. ред.*

кроме инструментальной, хотя и ту далеко не всю: например, органная музыка казалась моему отцу слишком мрачной, с его слов «бесами писанной», а саксофон — слишком пошлым. Однажды отец поставил меня в угол на три часа только потому, что я попросила на Рождество музыкальный плеер. Мои братья периодически получали трепку за «аморальное» поведение: флирт с соседскими девчонками и недостаточно хорошее знание биографий апостолов. Сет однажды пять часов простоял на коленях только потому, что сказал «катись к чертям».

Я побаивалась отца. Один его голос мог привести меня в ужас. Однажды он застал меня в подсобке перед картиной, на которой были изображены Ева и свесившийся с ветвей Змей. Чешуя Змея отливала радужным блеском, и я коснулась ее пальцем. Отцу, бесшумно подошедшему со спины, это не понравилось, и он окликнул меня так громко, что я подскочила. «Мне понравился только блеск чешуи», — пробормотала я в своё оправдание. Тогда отец прочитал лекцию о том, что любопытство и сгубило Еву, а вслед за ней и все человечество. Мне, семилетней, нечего было возразить в ответ.

Отца, первого человека в клане, боялась не только я. Его братья, дядя Шон и Пэдди, никогда с ним не спорили. Мои кузены вздрагивали, когда он обращался к ним. Массивный и широкоплечий, с высоким лбом, густой темной бородой и холодными, как лед глазами, мой отец был похож на рыцаря тайного ордена, который положит жизнь во славу того, во что верит. Он не терпел неповиновения, легкомыслия, образа жизни, противоречащего католическим ценностям. Не согласные с ним рано или поздно покидали клан и лишались какого-либо покровительства со стороны МакАлистеров, а заодно и возможности безбедно жить на землях клана. Моя двоюродная

сестра, забеременевшая, не будучи замужем, покинула клан, и я больше никогда ее не видела.

Только Рейчел, моя мачеха, не робела перед отцом. Она была на пятнадцать лет моложе его и, как мне казалось, очень любила его. Не знаю, кого она в нем разглядела, но явно не только состоятельного коллекционера с экстремальными религиозными взглядами. Она умела умаслить его, загovorить его гнев, только Рейчел могла превратить его в сговорчивого и спокойного человека, который не поставит тебя на колени в угол за малейшую провинность.

Я же словно обладала даром совершенно противоположным: приводить отца в бешенство. Ему не нравилось во мне абсолютно все: мои ведьмовские рыжие волосы, доставшиеся мне «невесть от кого» (вообще-то у моей бабушки по матери были такие же, но отец про это почему-то постоянно забывал), мои темно-зеленые глаза с коричневыми пестринками, мой слишком высокий голос и мое неумное любопытство. Однажды он обмолвился, что я слишком похожа на мать, и это словно тоже стало одним из моих недостатков.

В детстве у меня была аллергия. Стоило мне съесть что-то сладкое — мои руки и лицо тут же покрывались красными зудящими пятнами, которые очень долго сходили. Няня однажды сказала: если я буду их расчесывать, они покроют меня всю, как чешуя, и я превращусь в змею. Мой отец, услышав это, выставил ее из дома в тот же день. Он испытывал сильнейшее отвращение к змеям и пришел в ужас только от одного сравнения его дочери со змеей.

Еще он ненавидел все мрачное и темное, сумерки и луну, фокусников и гадания, абoрты и геев, кошек и юрких черных птиц с желтыми глазами, которые вили гнезда

в кустах. Еще Хэллоуин и ряженных, паутину и плесень, татуировки и одежду из кожи, дерзость и слишком громкий смех. Много всего!

Но больше всего на свете он ненавидел Стаффордов.

Я не помню, когда я услышала фамилию Стаффорд впервые. Наверное, ее произносили еще над моей колыбелью. Потом я то и дело различала ее в разговорах взрослых. Чаще всего ее произносил дедушка. Он выплевывал ее так, будто она жгла ему язык, и обычно фамилия шла в паре со словом “проклятые”. Совсем по-другому произносила эту фамилию Рейчел: тихо, одними губами, словно, поминая Стаффордов, можно было накликать беду. От папы я не слышала эту фамилию почти никогда: он заменял ее словами «бесы», «черти», «нечисть», «псы». Братья отца, если приходили в гости, так больше ни о ком другом, кроме Стаффордов не говорили. Оно приводило их в нервное возбуждение, в какое приходят собаки, когда у них перед мордой трясут дохлым зайцем.

Дядя Шон однажды чуть не умер от серьезного ранения. Но Рейчел всю ночь молилась над ним, и он чудом поправился. С тех пор дядя Шон боготворил Рейчел, считал ее святой, и даже пообещал однажды в подарок убить для нее Стаффорда. Словно убийство Стаффорда — это самая высшая благодать и награда, о которой только можно мечтать.

Я не раз пыталась выяснить, о ком это в нашей семье так часто говорят. Но добиться от Рейчел ответа никогда не удавалось. Братья только фыркали и сплевывали от досады. К отцу я даже подходить с этим вопросом боялась — он аж зубами заскрежетал, когда впервые услышал «Стаффорд» из моих уст.

Помню, что я решила на крайний шаг — спросила у дедушки. Пробралась к нему однажды в комнату, когда

все были заняты своими делами. Только вот время выбрала не самое подходящее. У дедушки то и дело случались приступы старческого слабоумия, которые внешне не всегда можно было распознать. Он выглядел обычно, даже поддерживал разговор, но при этом мог совершенно не узнавать даже близкого человека.

Так случилось и в тот раз. Он спокойно разглядывал меня, когда я спросила у него: «Деда, а кто такие Стаффорды?» Потом поманил меня пальцем, а когда я наклонилась к нему, чтобы расслышать ответ, вдруг схватил меня за волосы и заорал: «Не поминай дьявола в моем доме! А не то я убью тебя, ведьма! Этими вот руками возьму и убью!»

Я перепугалась до смерти и закричала так, словно меня резали. В комнату влетел Сет, отбил меня у деда и приказал идти в свою комнату. Я слышала звуки борьбы за закрытой дверью. Когда дед был не в себе, его сила словно утраивалась: он мог запросто сломать шею такой, как я. Больше я к дедушке с расспросами не приставала.

* * *

Когда мне было десять, Рейчел родила малютку Агнес в госпитале Святого Винсента. Хорошо помню, как мы поехали забирать их на кортеже из семи тонированных машин. Агнес была такой маленькой, что без труда уместилась бы в коробку от обуви. У нее было красное личико, и помню, как отец все спрашивал и спрашивал, когда ее кожа посветлеет. Ему не нравился оттенок кожи его новорожденной дочки, потому что она напоминала маленького краснолицего чертенка. И кричала она так пронзительно — позавидовали бы гарпии. Рейчел даже плакала над своим ребенком, ведь он, едва родившись, уже не угодил отцу.

Однако уже через пару недель Агнес стала такой ангельски-бледной и хорошенькой, что отец не мог наглядеться. В отличие от меня в Агнес ему нравилось все: ее безмятежный сон, ее золотые кудри, ее тихий, спокойный нрав. Он даже заказал ее портрет, на котором ее смешную мордашку окружили райскими зарослями, бабочками, голубями и ягнятами, и этот портрет повесили в гостиной на самом видном месте словно в назидание о том, каким должен быть идеальный ребенок.

Но я не припомню, чтобы ревновала. Наоборот, Агнес словно отвела от меня гнев отца. Пока он и Рейчел были заняты ею, я наконец могла стащить больше сладостей с кухни, реже ходить в церковь, больше времени проводить не за чтением Библии, а за книгами моей няни, мисс Бирн, которые она всегда прятала под матрас и читала только тогда, когда никто не видит. В них рассказывалось о непокорных герцогинях, строптивых графинях и бесстрашных баронессах, которые бросали вызов высшему свету и делали все, что им нравилось. И еще страстно сливались в объятиях со своими графами и герцогами строго каждые пять страниц. Узнай мой отец, что я читаю такие книги — и меня не спас бы никакой Иисус. Меня бы, наверно, запаковали в коробку и отправили в более подходящее место — к Стаффордам, например. Прислуживать их темному ордену, подносить им тапочки из кожи младенцев и варить супы с человечинной.

Однажды, когда мне было двенадцать, мы с братьями играли в прятки, и я спряталась в родительской спальне. Пока я сидела под кроватью, мое внимание привлек небольшой чемоданчик, с какими клерки обычно ходят на работу. Любопытство взяло верх, и я открыла его. Внутри оказались подшивки каких-то бумаг, фотографии и вырезки из газет, причем все они были о Стаффордах:

«Хью Стаффорд намерен открыть шесть новых казино в новом году».

«Джована Стаффорд о жизни, детях и планах на будущее».

«Семнадцатилетний Десмонд Стаффорд арестован после драки в клубе и отпущен под залог».

«Дэмиен Стаффорд помпезно отпраздновал шестнадцатилетие в принадлежащем его семье ночном клубе».

«Диагностированный у Хью Стаффорда рак вошел в ремиссию».

«Джована Стаффорд баллотируется в городской совет».

«Иезуитская школа для мальчиков Гонзага-колледж очастливлена тем, что Тайлер Стаффорд станет их учеником».

Мои пальцы дрожали, когда я добралась до фотографий. Мне с ранних лет твердили, что Стаффорды — бесы, и я представляла их себе такими же, как на старинных картинах: краснокожих и желтоглазых с рогами и раздвоенным языками. А оказалось, что они выглядят, как обычные люди — такие же, как и я. У них у всех были запоминающиеся лица с благородными лбами и высокими скулами, темные волосы, синие глаза, надменные губы. На одном фото (подпись: Хью Стаффорд) какой-то представительный мужчина сидел в огромный тонированный внедорожник. На другом была запечатлена красивая темноволосая женщина в солнечных очках с дымчатыми стеклами и в черном шелковом костюме (подпись: Джована Стаффорд). Она шла по улице в сопровождении своего бодигарда*, который был в четыре раза больше нее самой и напоминал по комплекции рекордсмена-тяжеловеса.

* Бодигард — (от *англ.* «bodyguard») — телохранитель

На третьем снимке я увидела мальчика примерно такого же возраста, как и я (подпись: Тайлер Стаффорд) в бордовом свитере с эмблемой какой-то школы на груди. Он смеялся, запустив руку в волосы. Фото явно сделали на школьном пикнике: в кадр с Тайлером попал локоть сидящего рядом мальчишки в таком же бордовом свитере и еще отблески костра, возле которого они жарили зефир.

— Кристи под кроватью! — гаркнул Майкл, распахивая дверь в комнату. Я от неожиданности треснула головой о кроватную раму, шепотом выругалась и захлопнула чемодан.

— Мы уже полчаса, как не играем, а ты все там сидишь. Зачем?

— Чтоб ты, спросил, болван!

Невозможно было заснуть в ту ночь. Стоило закрыть глаза, и я снова видела лица Стаффордов — лица обычных людей, и вовсе не монстров с клыками и змеиной кожей. Почему-то в это было поверить сложнее всего: в то, что они — такие же люди, как и мы.

Мне ужасно хотелось посмотреть на них снова. Через пару дней я выбрала подходящий момент и вернулась в комнату снова заглянуть в чемоданчик. Но на этот раз он был закрыт на кодовый замок, а подобрать код я так и не смогла.

* * *

Год спустя, когда мне стукнуло тринадцать, я узнала о Стаффордах больше. Рейчел решила, что я подросток достаточно и пришло время рассказать мне.

Невозможно вообразить семейство более непохожее на нас, чем Стаффорды. Мы были словно свет и тьма, хрусталь и уголь, чистота и порок. Стаффордам при-

надлежал крупный игорный бизнес, сеть ночных клубов и несколько больших концертных площадок. Они занимались организацией концертов, причем в основном это была «музыка дьявола»: та, где не поют, а скорее орут; где инструменты исторгают такие звуки, словно их пытаются; где гитары разбивают об пол в экстазе, а свет выключают, чтобы демоны разврата могли подобраться к людям поближе.

Стаффорды мелькали в соцсетях, водили дружбу с известными политиками и музыкантами и «заворачивали грех в такие красивые фантики, что всем только и хотелось вкусить его», как говорила Рейчел, качая головой. В их казино захаживал сам дьявол, в их клубах подсаживались на наркотики и расставались с девственностью, на их концертных площадках одержимые бесами музыканты оскорбляли Бога и воспевали Тьму.

Детьми Сатаны — вот кем были Стаффорды. И они прекрасно знали, кто стоит у них на пути к тотальной власти над городом: моя семья. Они подбирались к нам, они плели интриги, они убивали нас и похищали нас, лишь бы казино оставались открыты и музыка, угодная дьяволу, продолжала звучать.

Только вот сдаваться чертям просто так МакАлистеры не собирались: святой — не значит беззащитный, а богоугодный — не значит покорный.

Вот почему у моего клана столько оружия: и у отца, и у его братьев, и у моих кузенов. Я точно знаю, что если пересчитать все оружие, которое есть у моей семьи, то хватит на вооружение небольшой армии. Даже у тихой, богобоязненной Рейчел в сумочке всегда лежит заряженный Ruger. Вот почему владения клана окружены по периметру забором, электричеством и камерами. Вот почему все наши машины бронированы, а водители тоже

вооружены. Почему братья выглядят расслабленными только в стенах нашего дома, а стоит нам выйти за его пределы — то и дело накидывают капюшоны на голову, а в машине вечно таращатся в зеркало заднего вида. Вот почему меня научили никогда не стоять напротив окон и не выходить из дому без сопровождения. Вот почему Майкл и Сет так хорошо владеют оружием, да и меня с тринадцати лет регулярно водят на уроки по боевой стрельбе.

Потому что мы, МакАлистеры, — воины большой битвы между светом и тьмой. Это мы однажды низвергнем Стаффордов, которые и есть тьма.

ГЛАВА 2

С пятнадцати лет я училась в частном пансионе имени Святой Агаты. В самой строгой и закрытой католической школе для девочек. “Совершенно особенное заведение”, — удовлетворенно отзывался о нем отец. Пансион походил на тюрьму и этим особенно нравился родителям. Территорию окружала стена, которую можно было перелезть только с альпинистским снаряжением; мимо секьюрити-контроля на въезде не проскользнула бы и мышь, а еще всюду повесили камеры — буквально везде. Укрыться от них можно было наверно только в туалете, да и то не уверена на сто процентов, что там их не было. В общем, идеальное место для тех девочек, за которыми нужен глаз да глаз. И стоит упомянуть комендантш — пронырливых старух с всевидящими глазами: они словно читали наши мысли и пресекали любые шалости раньше, чем мы о них помыслили.

Меня забирали домой только на выходные; остальные пять дней я должна была проводить, уткнувшись лицом в учебники, либо за чтением Библии, либо за рукоделием. Отец считал, что и то, и другое благотворно влияет на девочек. Мои волосы к пятнадцатилетию понемногу

сменили цвет: превратились из светло-рыжего в благородный золотистый блонд. И даже это, по мнению отца, случилось только благодаря чтению Писания.

Учебники меня не слишком увлекали, Библию я и так знала наизусть, а рукоделие просто ненавидела, поэтому первые несколько месяцев в пансионе чуть не сгрызла все ногти от скуки.

А потом ко мне пришло спасение в образе моей соседки по комнате. Маккензи опережала меня на два класса. Однажды глубокой ночью она растолкала меня и спросила, сверкнув в темноте фонариком: «Эй, мелюзга, оттянуться хочешь?»

Босиком, в одних пижамах, мы тихонько прошмыгнули в другой конец коридора. Маккензи открыла одну из дверей, и мы пробрались в тускло освещенную спальню, где на сдвинутых кроватях сидели и играли в карты пятеро других девчонок. Все старшеклассницы, из класса Маккензи, как я потом узнала. Они передавали по кругу бутылку с черной этикеткой и бесшумно хихикали. Всем было ужасно весело, но при этом в комнате стояла мертвая тишина. До сих пор помню свое изумление: я словно смотрела немое кино. Девчонки общались, читая слова по губам и жестикулируя. Чего только не придумаешь, лишь бы не попасться.

— Эй все, это Кристи, — одними губами произнесла Маккензи, размахивая руками.

— Твой подкидыш? — улыбнулась одна из них — симпатичная брюнетка с едва заметными фарфоровыми брекетами на зубах. Ее звали Саммер, и я уже знала ее: она была очень популярной в пансионе.

«Подкидышами» называли девчонок из младших классов. Их часто подсаляли к старшеклассницам, чтобы те присматривали за ними.

— Ага, — кивнула Маккензи, положив мне руку на плечо.

— В покер играть умеешь? — шепотом спросила у меня другая девочка — курносая блондинка с кукольным личиком.

— Нет, — ответила я. Азартные игры, не сложно догадаться, были в доме под запретом.

— Тс-с, не так громко! — зашипели на меня все. — Сейчас научим. Садись сюда. Хочешь виски? Нет? Ну и ладно...

— На что играете? — спросила я.

Девчонки весело переглянулись и ответили:

— На раздевание.

Голос осуждения завопил внутри: «Это непристойно!», но я не смогла понять, кому он принадлежал: мне или все же моему отцу. Уходить не хотелось тоже: в комнате царила атмосфера тихого, забавного хулиганства, и почему-то она мне нравилась. Шуршали карты, девчонки усердно изображали «покерфейс» и бесшумно хлопали в ладоши, когда кто-то проигрывал. «Если всё это и непристойно, то я просто помолюсь потом в два раза больше, чем обычно», — решила я.

Первой проиграла курносая блондинка. Ей пришлось снять ночную рубашку и остаться в одном лифчике. Потом удача изменила ее подружке — девчонке, стриженной под мальчишку, с глазами оленёнка Бэмби. Та сняла пижамные штаны и осталась в одних красных бикини с бантиками. Потом снова проиграла блондинка, и ей пришлось снять лифчик. Все в комнате уставились на ее грудь с большими розовыми сосками. Больше всех таращилась, наверно, я, потому что еще никогда не видела обнаженную грудь. Случайно, бывало, видела пенисы своих братьев (однажды Сет сдернул с Майкла штаны смеха ради,